Война на Корейском полуострове: насколько велика угроза?

© 2014

К. Асмолов, В. Кашин

Статья содержит комплексный анализ ситуации, сложившейся на Корейском полуострове в результате кризиса межкорейских отношений в 2013 г. Рассматриваются военно-технические, стратегические и политические аспекты противостояния.

Ключевые слова: Корея, КНДР, война, ракеты, Приморье.

Апрельский кризис межкорейских отношений 2013 г. породил широкую волну материалов и публикаций, в которых Корейский полуостров оказывался «на грани войны». При этом в большинстве случаев начало конфликта как нападение Северной Кореи на соседей считалось чем-то самим собой разумеющимся, и даже варианты, при которых Пхеньян не хотел войны, квалифицировались как «ядерный шантаж». Развернувшаяся волна истерии вынуждает нас дать комплексный анализ ситуации, отойдя от пропагандистских штампов.

В рамках этого анализа мы будем переходить от военно-технических аспектов противостояния к стратегическим и политическим, пробуя дать четкий ответ на следующие вопросы:

- Каковы практические возможности применения северокорейских вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта?
- Способна ли КНДР защитить себя от возможной атаки США и РК и может ли нанести им неприемлемый ущерб?
- Насколько материальный ущерб, который может нанести Северная Корея своим врагам, будет угрожать макроэкономической стабильности ведущих западных экономик?
- Каковы дополнительные факторы, которые могут повлиять на развитие ситуации, кроме чисто военных, стратегических или политических соображений?
- Будут ли человеческие потери противников КНДР настолько велики, чтобы стать сдерживающим фактором для принятия решения о начале военных действий?
- Каков может быть ущерб, нанесенный РФ в результате крупномасштабного конфликта на Корейском полуострове?

Силы сторон. Технический и тактический аспекты проблемы

Количественный состав вооруженных сил Южной Кореи и США на Тихом океане хорошо известен. С вооруженными силами КНДР ситуация обстоит сложнее. С одной

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

Кашин Василий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: v_kashin@yahoo.com.

стороны, северокорейцы проводят политику тотальной закрытости в отношении своего военного строительства. С другой — КНДР не способна удовлетворять свои потребности по целому ряду классов военной техники, а объем прошлых поставок ее из СССР/России и Китая не является тайной; территория Северной Кореи находится под постоянным наблюдением американских, южнокорейских, японских средств технической разведки и данные о ходе военного строительства в КНДР периодически попадают в СМИ. Наконец, при всей закрытости КНДР, новые образцы вооружений регулярно демонстрируются на военных парадах; при этом наиболее сложной задачей является отделить реально запущенные в производство и поступающие в войска системы от многочисленных макетов, призванных дезинформировать противника.

В общем виде соотношение сил между КНДР и РК выглядит следующим образом:

	КНДР	РК
Численность регулярных ВС, тыс. чел	1020	655
Основных боевых танков	3500	2414
Легких танков	560	
БМП	Нет	240
БТР	2500	2790
Артиллерийских систем	21000	11038
ПЛ (включая малые)	72	23
Надводных боевых кораблей	3	28
Боевых катеров	383	114
Бомбардировщиков	80	Нет
Истребителей-перехватчиков	441	174
Многоцелевых истребителей	48	294
Штурмовиков	34	Нет
Вертолетов боевых	20	60
Зенитных ракетных комплексов без учета ПЗРК, пусковых установок	312	506
Артиллерии зенитной	11000	330
Баллистических ракет средней и малой дальности, пусковых установок	64+*	

* Количество ракет «Нодон», а также ракет типа Scud корейского производства оценивается примерно в 300.

Источник: *The Military Balance 2013*

Как видно, даже без учета развернутых на юге Корейского полуострова 28 500 американских военнослужащих с значительным количеством тяжелого вооружения, Север уступает Югу по количеству ударных самолетов, боевых вертолетов, бронетранспортеров и БМП, надводных боевых кораблей, зенитных ракетных комплексов. Север имеет превосходство в численности личного состава, количестве основных боевых танков и артиллерийских систем, но и по этим направлениям превосходство не достигает даже двукратного. Разумеется, Север опережает Юг в количестве ракет «земля-земля», но военное значение этих ракет, в которых используются устаревшие системы наведения, в ядерном снаряжении, по опыту всех прошлых конфликтов, является незначительным. Это скорее оружие устрашения, пригодное лишь для стрельбы по крупным целям, таким как города.

Если с точки зрения простого сравнения численности войск Север не имеет решающего превосходства, то по качеству вооружения, соотношение сил выглядит явно не в его пользу.

Разберем ситуацию по видам вооруженных сил, начав с **авиации**. Единственными относительно современными боевыми самолетами в ВВС КНДР являются постав-

ленные в 1988–1992 гг. самолеты МиГ-29Б/УБ. Известно, что всего было поставлено 45 таких истребителей, из них 30 были собраны из поставленных СССР комплектов на корейском авиационном предприятии в Пакчхоне. Исходя из этого, можно предположить, что КНДР способна производить некоторые типы запчастей и осуществлять ремонт этих самолетов. Однако сколько из этих самолетов останутся в строю после десятилетий отсутствия регулярных поставок запчастей от российского производителя, является загадкой. Справочник *Military Balance* оценивает действующий северокорейский парк МиГ-29 всего в 18 машин.

Исходя из регулярного участия этих самолетов в парадах и парадных репортажах корейского телевидения, можно сделать вывод, что КНДР имеет некоторое количество боеготовых МиГ-29, но число их незначительно. Однако даже эти самолеты по состоянию на сегодняшний момент не являются суперсовременными. Количество относительно эффективных ракет «воздух-воздух», которые успела закупить КНДР до введения против нее санкций также невелико. В 1991 г. было закуплено всего 50 ракет средней дальности Р-27, которые могут применять МиГ-29. Кроме того, в 1980-е гг. было закуплено 450 более старых ракет Р-23 и такое же количество ракет Р-60. КНДР имеет около 56 истребителей МиГ-23 разных модификаций, поставленных из СССР в 1980-е гг., а также 25 истребителей МиГ-21-бис, нелегально полученных из Казахстана в 1999 г. Относительную ценность могут иметь 34 штурмовика Су-25. Все эти самолеты, исходя из опыта локальных конфликтов 1990-х — 2000-х гг. оказываются малоэффективными в условиях крупномасштабного конфликта с современными западными вооруженными силами, хотя при удачном стечении обстоятельств могут нанести противнику определенные потери, или отвлечь на себя часть сил ВВС противника.

Весь остальной авиапарк северокорейских ВВС представлен образцами архаичной авиатехники, не имеющей никакого военного значения. Тем не менее, по имеющимся данным, ВВС продолжают тратить ресурсы на поддержание этих морально и физически устаревших самолетов в относительно боеготовом состоянии. Это относится по крайней мере к части 80 китайских фронтовых бомбардировщиков Н-5 (китайская копия советского Ил-28), которые, по доступным на настоящее время данным, периодически совершают тренировочные полеты и получают техническое обслуживание¹. В советских ВВС 1950–1960-х гг. фронтовой бомбардировщик Ил-28 был носителем тактического ядерного оружия; однако способность этого самолета к преодолению современной ПВО является весьма слабой и оснащение их немногочисленными северокорейскими ядерными зарядами выглядело бы неоправданно с военной точки зрения.

Продолжают, очевидно, поддерживаться в относительной боеготовности самолеты МиГ-17, Су-7, Цзянь и МиГ-19, которые вообще не способны применять управляемое ракетное оружие.

Известные данные о характере боевой подготовки летчиков КНДР позволяют сделать вывод об их неспособности эффективно применять даже ту технику, которая поддерживается в исправном состоянии. Обучение в Военно-воздушной академии им. Ким Чхэка в Чхонджине продолжается четыре года, но включает в себя лишь курс полетов на поршневых тренировочных самолетах СЖ-6 китайского производства длительно — до 70 часов. В дальнейшем обучение закрепляется в ходе полетов на устаревших учебно-тренировочных самолетах МиГ-15УТИ и МиГ-17². Годовой налет летчиков северокорейских ВВС является крайне низким и, возможно, составляет лишь 15–25 часов в год, при этом всякая активизация боевой подготовки приводит к росту числа авиакатастроф³. Для сравнения, в ВВС стран НАТО налет пилота истребителя составляет от 180 часов в год; в российских ВВС в 2012 г. налет пилота истребителя составлял 125–175 часов в год в зависимости от типа самолета (данные по Западному военному округу).

Для сравнения: меньшие по составу ВВС Южной Кореи располагают на данный момент более 220 современными американскими истребителями четвертого поколения

F-15K (60), F-16C (118), F-16D (48) и современным вооружением для воздушного боя, включая ракеты AIM-120B/CS AMRAAM.⁴ ВВС РК могут опираться на современные системы управления, в частности на четыре самолета дальнего радиолокационного обнаружения и управления Boeing 737 AEW. Возможно, единственной целью северокорейских ВВС является отвлечь на себя некоторое количество самолетовылетов американско-южнокорейских ВВС и ослабить удар по сухопутным силам.

В ходе продолжительного конфликта, как показывает опыт войны в Югославии в 1999 г., в условиях превосходства американцев и южнокорейцев в воздухе возможно ограниченное применение северокорейских **вертолетов**; КНДР поддерживает значительный парк вертолетов Ми-2 (139 машин), а также располагает небольшим количеством вертолетов Ми-24, Ми-8/17. Однако их роль будет сводиться к ограниченным транспортным перевозкам в собственном тылу, учитывая наличие у Южной Кореи достаточно мощной системы войсковой ПВО и ПВО страны.

Наземные средства ПВО, в отличие от боевой авиации, способны, как показывает опыт конфликтов в Ираке и бывшей Югославии оказать значимое влияние на ход боевых действий. До прекращения советской помощи КНДР успела создать автоматизированную систему управления ПВО и приобрести значительное количество зенитных ракетных комплексов. Плотность ПВО Северной Кореи ранее оценивалась американской военной разведкой как одна из самых высоких в мире⁵, существующие на сегодня данные свидетельствуют о том, что большинство ранее поставленных систем поддерживаются в рабочем состоянии; значительное внимание уделяется инженерному оборудованию позиций, созданию подземных укрытий для систем вооружения и военной техники, а так же радиотехнических средств.

В то же время, основу северокорейской системы ПВО составляют ЗРК С-75, С-125, С-200, продемонстрировавшие на примере конфликтов в Югославии, Ираке, Ливии довольно низкую эффективность противостоять западным боевым самолетам четвертого поколения и другим средствам воздушного нападения. Из этих систем комплексы С-200 являются стационарными и обречены на быстрое подавление, а комплексы С-75 и С-125 хотя и могут некоторое время выводиться из под удара, не в состоянии нанести противнику существенных потерь из-за низкой помехозащищенности. После подавления этих комплексов в распоряжении КНДР останутся многочисленные орудия зенитной артиллерии и переносные зенитные ракетные комплексы. Их использование может затруднить действия авиации противника на малых высотах и позволит в отдельных случаях нанести противнику потери; однако, весь опыт последних локальных конфликтов говорит о том, что ВВС США и их союзников в целом смогут реализовать свое превосходство в воздухе, применяя высокоточное оружие с безопасных высот более 6000 м.

Важнейшим фактором неопределенности относительно северокорейской системы ПВО остаются новые зенитные ракетные комплексы KN-06, продемонстрированные впервые на параде в Пхеньяне в 2010 г. Комплекс располагает относительно современной полуактивной радиолокационной системой наведения и радиолокационной станцией с фазированной антенной решеткой. Южнокорейскими властями опубликованы данные о зафиксированных ими успешных испытаниях комплекса, как предполагается, имеющего дальность до 150 км⁶. Комплекс может быть конструктивно близок к ранним вариантам советского ЗРС С-300П и, возможно, разработан в сотрудничестве с Ираном, примерно в то же время заявившим о создании и продемонстрировавшим на параде собственную систему, названную «иранским С-300».

Следует, однако, учитывать, что даже если данная система находится уже в стадии серийного производства, она может быть далека от реальной боеготовности. Подобные системы крайне сложны и в освоении производством, и в эксплуатации. Известно, что ранние версии С-300 советского производства отличались крайне низкой технической надежностью и даже в условиях СССР потребовались годы на устранение недостат-

ков. Требуется также прояснения вопрос об источниках поступления электронной элементной базы для данной системы, стабильности этих источников и качестве электронных компонентов. Вероятнее всего, даже при благоприятном для КНДР стечении обстоятельств, количество боеготовых систем KN-06 в обозримом будущем будет невелико.

Танковые войска. Испытывая постоянный дефицит топлива для боевой подготовки, и не имея возможности прикрыть свои танковые соединения от ударов с воздуха, КНДР продолжает содержать значительный танковый парк, а также инвестирует средства в дальнейшее серийное производство бронетанковой техники. От эпохи сотрудничества с СССР северокорейцам осталось налаженное и локализованное серийное лицензионное производство танков Т-62, модифицированный вариант их выпускался под обозначением Чхонма-хо.

Создаются и новые образцы. В частности, в 2010 г. южнокорейскими спецслужбами было зафиксировано появление у КНДР танков нового типа Покпхун-хо, обладающих комбинированным бронированием, новым вооружением и усовершенствованной системой управления огнем. Для выпуска танка сформирована производственная кооперация в составе танкового завода, а также заводов 18 и 38 и других предприятий⁷.

Отметим, что уход от советского наследия и самостоятельное освоение выпуска основных боевых танков нового поколения в 1980-е — 1990-е гг. оказалось сложной и затратной задачей даже для огромного Китая. Эта задача решалась КНР с широким привлечением иностранных технологий, и, тем не менее, признавалась весьма затратной КНДР, помимо танков, также освоила выпуск как минимум двух новых типов колесных и гусеничных бронетранспортеров, демонстрировавшихся на парадах 2010 и 2011 гг.

Развертывание производства нового типа основного танка в 2000-е гг. свидетельствует о сохраняющейся дееспособности предприятий, входящих в производственную кооперацию для выпуска этих относительно высокотехнологичных машин и включающую в себя сборочные, металлургические, двигателестроительные заводы, а также производителей электроники, вооружения и т. п. Это может служить поводом задуматься об истинном состоянии экономики КНДР.

Пехота. Численность спецназа, как считается, является беспрецедентно большой и составляет, по западным оценкам, около 88 000 человек⁸. В то же время, по оценкам южнокорейской Белой книги по вопросам национальной обороны, в последние годы численность северокорейских сил спецопераций росла на 20 тыс. человек в год и приближается к 200 тыс. человек⁹. Разумеется, никому не под силу создать полноценный спецназ численностью 200 тыс. человек. Речь, вероятно, идет об относительно качественно подготовленной легкой пехоте, которая составляет теперь основную боевую силу северокорейских сухопутных войск.

Артиллерия. Такие орудия, как специально-разработанные 170-мм самоходные пушки «Коксан» с дальностью стрельбы свыше 60 км, а также тяжелые 240-мм реактивные системы залпового огня гарантированно способны к нанесению мощного артиллерийского удара по району Сеула с позиций к северу от ДМЗ. КНДР имеет 8500 орудий ствольной артиллерии калибром от 122 мм, а также 5100 реактивных систем залпового огня. Самоходные шасси и большое количество запасных позиций и подземных укрытий могут затруднить быстрое уничтожение этих систем с воздуха, а также американскими и южнокорейскими артиллерийскими системами, действующими в сочетании с современными РЛС засечки артиллерийских позиций. Артиллерийская дуэль в 2010 г. с участием северокорейской береговой артиллерии и южнокорейских гаубиц К-9 на острове Йонпхендо продемонстрировала определенную боеготовность северокорейской артиллерии и проблемы с боевой подготовкой на юге. Со стороны РК огонь смогли открыть лишь 3 гаубицы К-9 из шестиорудийной батареи; остальные были выведены из строя из-за использования в двигателях охлаждающей жидкости неправильной марки.

Из северокорейского арсенала **баллистических ракет** уверенно можно говорить лишь о боеспособности таких систем, как KN-02 (северокорейский клон советской баллистической ракеты «Точка» дальностью 120 км, успешные испытания подтверждены в 2005 г., в производстве с 2006 г.¹⁰), Хвасон-5 и 6 (на базе советской Р-17 «Эльбрус», дальностью 360 и 700 км соответственно), а также Нодон (дальностью до 1500 км). Успешные испытания боевых баллистических ракет других типов не зафиксированы до настоящего времени. Несмотря на то, что ракета-носитель Ынха-3, при помощи которой выведен на орбиту в декабре 2012 г. первый корейский спутник, при пуске по наземным целям теоретически могла бы иметь межконтинентальную дальность¹¹, до сих пор нет доказательств наличия у Севера разработанной головной части такой ракеты, способной войти в плотные слои атмосферы на конечном участке траектории и не разрушиться. Демонстрировавшиеся в последние годы на парадах северокорейские ракеты ранее неизвестных типов, такие как «Мусудан» и KN-08 никогда ранее не испытывались и, следовательно, едва ли могут иметь реальное военное значение. Вполне возможно, что речь идет о муляжах.

Средства ПРО, предоставляемые США РК и Японии, едва ли способны прикрыть территории этих стран от ударов баллистических ракет. Дальность комплекса ПВО Patriot PAC 3 при стрельбе по баллистическим целям составляет лишь 20 км, стоимость одной ракеты (по состоянию на 2012 г.) составляла \$3,14 млн долл., для стрельбы по баллистической цели обычно используются не менее 2 ЗУР. Противоракеты морского базирования Standard SM-3 Block IA стоят \$12,3 млн за единицу, в год американский флот закупает считанные десятки таких ракет. Концентрация в районе конфликта сил ПРО, способных отразить удар сотен северокорейских баллистических ракет выглядит маловероятной. ПРО неспособна предотвратить массовые потери гражданского населения Южной Кореи (количество ракет, достигающих Японии, меньше и нельзя исключать относительно успешного перехвата значительной их части) и может лишь прикрыть отдельные особо важные объекты.

ВМС. Северокорейские малые подводные лодки водоизмещением 130 тонн теоретически могут представлять угрозу для боевых кораблей противника в прибрежной зоне. Желтое море считается благоприятным районом для действий подводных лодок, поскольку местная гидрография затрудняет их обнаружение. Высказывались даже опасения, что корейские малые ПЛ могут быть использованы для доставки ядерных зарядов к прибрежным целям на побережье Южной Кореи. Подводные лодки являются предметом обеспокоенности для флотов РК и США, проводящих регулярные учения по отработке вопросов борьбы с ними¹². В то же время, эти северокорейские лодки имеют, судя по всему, незначительную дальность и автономность, как следует из результатов обследования захваченной южнокорейцами в 1998 г. малой ПЛ типа Yugo.

Стратегический и политический аспект проблемы

Исходя из вышеуказанного соотношения сил, понятно, что оно отнюдь не в пользу Пхеньяна, при том, что воевать Северу не только с Югом, но и с Америкой, которая в случае начала конфликта обязана вмешаться согласно Договору о Совместной обороне 1953 г. У КНДР при этом союзников нет. Хотя договор с Китаем может быть основанием для обращения за помощью, часть китайского общественного мнения воспринимает его утратившим силу в новых условиях, а часть обставляет дополнительными поправками наподобие тех, которые были представлены Пхеньяну Советским Союзом во время кризиса 1968–69 гг.

Отсутствие союзников заставляет Пхеньян активно развивать свою ракетно-ядерную программу, несмотря на то, что в долгосрочной перспективе этот курс не сулит ему ничего хорошего. Вряд ли ему удастся подобным способом убедить Соединенные

Штаты вывести КНДР из списка стран-изгоев и запустить процесс признания ядерного статуса КНДР или хотя бы его дипломатического признания. Более того, рост ракетно-ядерного потенциала будет повышать гипотетическую возможность КНДР нанести США серьезный ущерб, после чего Вашингтон может принять решение заняться корейским вопросом из соображений национальной безопасности, поскольку хотя бы одна успешная атака собственно по территории США неприемлема. Затем этот курс потенциально будет осложнять отношения Пхеньяна с Пекином и Москвой; раздражение Северной Кореей, которая игнорирует интересы соседей, будет накапливаться, а поддержка снижаться.

Какова в такой ситуации может быть северокорейская стратегия? Понятно, что при ее планировании необходимо учитывать и собственные возможности, и способности противника. В этом контексте важно, насколько северокорейский генералитет имеет возможность изучить стратегию противника и подготовиться к новым приемам, отличающимся от тех, что были использованы во время Корейской войны. Какая-то работа в этом направлении ведется: КНА пытается анализировать американский опыт и любые боевые действия с участием армии США приводят к реорганизациям в армии.

Однако главной задачей стратегов КНА является преодоление ряда серьезных проблем. В первую очередь, это технологическое отставание, на который накладывается кризис, связанный с нехваткой топлива и запчастей. Горючего у КНДР на 30 суток, продуктов питания на 60 суток войны¹³.

Если использовать американскую методологию подсчета TASCFORM, то все северокорейские ВВС будут равны двум эскадрильям F-16, а совокупная огневая мощь сухопутных войск приравнена к пяти современным «heavy divisions»¹⁴. Это означает, что в случае войны авиация ВВС КНДР обречена на быстрое уничтожение, причем покончить с ней можно в короткие сроки даже силами южнокорейских ВВС. Более того, гарантированное превосходство ВВС противника в воздухе сделает нереальными успешные наступательные операции механизированных соединений КНА, а активность малых подводных лодок сойдет на нет после уничтожения баз ударами с воздуха.

В этих условиях имеется масса свидетельств того, что северокорейское руководство прекрасно осознает свое безнадежное техническое отставание и делает ставку на асимметричные контрмеры. Речь идет как о развитии обширной сети подземных сооружений, так и об особом внимании к подготовке легких пехотных бригад и бригад спецназа. Другими асимметричными средствами противодействия противнику являются: дальнобойные орудия ствольной артиллерии, сконцентрированные на позициях к северу от демилитаризованной зоны; баллистические ракеты; массовое оснащение войск зенитно-ракетными комплексами.

Однако возникает важный вопрос — не переоцениваются ли эти асимметричные действия. Так, последние переоснащения ПВО КНДР разумны, но старая техника может оказаться неспособной сбить современные средства воздушного нападения без модернизации РЛС, новых компьютерных средств обработки сигнала и электронной начинки. А массовое оснащение подручными ПЗРК работает против штурмовой авиации, а не бомбардировок или ракет.

Большое количество артиллерийских стволов, нацеленных на Сеул и северные районы РК, упоминается часто, однако непонятно, насколько эти стволы исправны и обеспечены снарядами и насколько северокорейские артиллеристы готовы к современной контр-батареинной борьбе: немобильные огневые точки легко засечь и уничтожить с воздуха. На Севере могут делать ставку на количество, а не на качество — даже если половина будет уничтожена, второй половины хватит, чтобы нанести неприемлемый урон; но стрельба на пределе дальности, по квадратам, без корректировки, с засветкой своей позиции контрбатареинным радарам будет куда менее эффективной, не говоря о том, что значительная часть этих артиллерийских орудий накрывает не весь Сеул, а только его северные пригороды. Затем, удары по населению противника или/и намеренный обстрел

гражданских целей могут быть активно использованы в информационной войне, отчего никто не будет выгораживать сторону, нарушающую правила.

Не следует придавать слишком большое значение и «спецназу». В условиях господства противника в воздухе и неизбежного разгрома с воздуха северокорейских механизированных частей, легкая пехота, опираясь на горный рельеф, а также развитую систему подземных укрытий и складов, может существенно затруднить противнику продвижение вглубь территории КНДР. Она также сможет предпринимать рейды на территорию противника, нанося ему значительные потери. Речь, однако, едва ли может идти о проведении крупных наступательных операций ее силами: в ситуации, с которой обычная пехота справилась бы легко (например — удержание оборонительного рубежа под атаками противника, поддержанного танками и авиацией), "спецназ" зачастую пасует или несет неоправданно высокие потери.

Не вызывает вопросов только большое внимание к подземным коммуникациям. Уничтожать массовое количество укрытий, убежищ и прочих скрытых и защищенных объектов инфраструктуры как для армии, так и для ключевой части населения высокоточным оружием чрезвычайно сложно. Однако об опасности выстраивания стратегии с упором на «войну в лабиринтах» мы поговорим ниже.

К тому же вопрос о мере косности руководства КНА остается дискуссионным. Некоторые особенности северокорейского военного строительства, например инвестиции в танковое производство в условиях тотального дефицита ресурсов и поддержание парка заведомо устаревших, бесполезных самолетов, указывают на наличие по крайней мере у части руководства иллюзий о возможности прямого военного противостояния с Западом.

Еще одна проблема касается боевой подготовки и боевого духа. КНА — не столько армия в привычном нам смысле слова, сколько вооруженный кадровый резерв, и значительная часть северокорейских военных по прошествии базового курса военной подготовки работает на полях, строительстве или на производстве.

Это означает, что общий уровень боеготовности и боевого духа может отличаться от того, каким его видит начальство. Конечно, процент готовых погибнуть за идеи чучхэ в армии Севера существенно выше, чем на Юге, но если северокорейцы начнут без видимых успехов массово гибнуть под ударами напалмом и кассетными боеприпасами, высокий в начале конфликта боевой дух может начать быстро падать.

Представляется, однако, что северокорейское офицерство более устойчиво к подкупу и иным методам, которыми была нейтрализована часть армии в Ливии и Ираке. Это связано с тем, что если иракские и ливийские офицеры и генералы вполне могли строить радужные планы своей жизни после предательства, в Южной Корее продолжает действовать Закон о национальной безопасности¹⁵, согласно которому они будут нести ответственность как члены незаконных формирований, на которые не распространяются правила войны. А значит — у тех потенциальных предателей в северокорейском руководстве, которые готовы его совершить в надежде на лучшую участь, на самом деле такой перспективы нет.

Разобрав потенциальные слабости КНА, скажем несколько слов и о проблемах армии РК. Южнокорейские военные уверены в том, что технологический перевес даст им абсолютное превосходство и позволит нанести превентивный удар, уничтожив северокорейские военные объекты так, что то, что переживет превентивную атаку и будет способно провести контрудар, будет без труда остановлено и перехвачено.

Однако эта армия в течение долгого времени не воевала и «больна» целым комплексом проблем не воевавшей армии, которые, кстати, изрядно присутствуют и в армии российской. Кое-что из этого было показано даже во время инцидента на острове Ёнпхёндон, когда только половина орудий оказалась готовой к бою, или в процессе расследования потопления корвета «Чхонан». Серию иных скандалов, хорошо иллюстрирующих беспорядок и реальную неготовность, лишний раз повторять не стоит¹⁶.

На это накладывається отсутствие реального боевого опыта. Южнокорейский контингент в Ираке не ведет боевые действия и занимается охраной своих специалистов. Столкновения с Севером происходят, в основном, спорадически на море в районе спорной границы. Большинство командиров, которые помнят Корейскую даже Вьетнамскую войну, ушли со службы. Более того, в армии РК нет своих серьезных стратегов и планировщиков, поскольку в случае войны стратегическое командование принимают на себя США.

Вообще, это означает, что наверх продвигаются не столько стратеги, сколько бюрократы, умеющие имитировать бурную подготовку к войне. Что, в частности, говорит о неспособности отследить действия противника и учесть проведенные им контрмеры.

Теперь о моральном духе на Юге. Значительная часть военнослужащих РК воспринимает войну как событие, разворачивающееся в некоем виртуальном пространстве, когда ты нажимаешь на гашетку здесь, а кровь льется где-то там. На это накладывається представление о том, что одного только технологического перевеса будет достаточно, чтобы одержать победу в короткие сроки. Это означает два следствия — меньшую готовность нести лишения и большую чувствительность к человеческим потерям (особенно в условиях высокой информационной прозрачности) и существенную неготовность «воевать с отключенной электроникой», без кондиционера и крема для рук.

Всё это может сыграть свою роль, если количество потерь южнокорейской армии превысит некую планку. Как и в случае с северянами, моральный дух при отсутствии успехов и высоких потерях будет падать, а число сторонников решения конфликта дипломатическими методами — расти.

Таким образом, обе армии имеют достаточно слабых сторон, что может сделать военный конфликт между ними более долгим и менее предсказуемым, чем кажется той или иной стороне. Однако сил и возможностей для успешной наступательной войны у КНДР нет.

В потенциальной войне против Южной Кореи, США и их союзников КНА не имеет шансов избежать судьбы вооруженных сил саддамовского Ирака в 1991 году. Быстрое, без потерь истребление северокорейских ВВС и подавление на протяжении первых дней войны основных объектов северокорейской системы ПВО (пусть и возможно с небольшими потерями авиации США и РК) выглядят предопределенными. Далее последуют воздушная кампания, направленная на дезорганизацию, деморализацию северокорейских сухопутных войск, и разрушение системы управления страной и войсками.

Стремясь минимизировать потери, противники КНДР будут делать ставку не столько на продвижение по вражеской территории, сколько на продолжение ударов высокоточным оружием и истощение сил и ресурсов врага. Время будет работать на них, а северокорейская легкая пехота после неизбежного разгрома «тяжелых» соединений КНА сможет лишь замедлить продвижение противника и нанести ему дополнительные потери.

Даже применение северокорейцами ядерного оружия не сможет изменить исхода этой наступательной операции, которая завершится оккупацией КНДР. Использование ЯО не позволяет решить ни одной стратегической задачи. Зато, если Пхеньян схватится за ядерную дубинку, международное сообщество оправдает любые ответные меры за нарушение табу. В том числе и ядерный ответ¹⁷.

Конечно, КНДР может рассчитывать или на активную и длительную оборону с упором на партизанскую войну и подземные коммуникации, но это означает отдать в руки врага стратегическую инициативу. Учитывая инфраструктурные вложения в «малую войну», северяне могут сопротивляться долго, но у них не будет шанса перейти от партизанской войны к войне открытой, особенно — с учетом того, что их противники тоже будут пытаться склонять лояльность населения в свою сторону или, как минимум, пытаться лишать партизан «кормовой базы».

Единственным козырем Севера являются неприемлемые гуманитарные и экономические издержки подобной наступательной операции. Не имея возможностей защ-

итить себя и понимая слабости западного общества, КНДР делает ставку на потенциал нанесения асимметричного ответного удара. Цель — попытаться нанести противнику такой вред, чтобы сумма издержек, в том числе — социально-психологических, оказалась настолько неприемлемой, чтобы противник «передумал» воевать дальше.

Логично, что вся корейская дипломатия и пропаганда направлены именно на подчеркивание готовности руководства страны нанести соответствующий удар — отсюда заявления о возможности ядерного удара по территории США, демонстративное посещение Ким Чен Ыном полка САУ «Коксан» в районе ДМЗ в период обострения вокруг КНДР в марте 2013 г. и другие шаги.

Такой вариант, безусловно, хорош, пока большая война не началась, но затем он становится более опасным. Высокая реакция на человеческие потери не всегда означает боязнь этих потерь и неспособность их нести: в ответ на слишком жесткий удар общество противника может сплотиться, ожесточиться и, наоборот, утратить волю к компромиссу, как это было с США после атаки на Перл-Харбор.

Более того, приказ о применении оружия против южнокорейского и, вероятно, японского гражданского населения в условиях уже начавшейся войны, будет означать для руководства КНДР сожжение последних мостов и ликвидацию всяких шансов на сохранение личного комфорта, свободы и безопасности в рамках политического разрешения конфликта.

Наконец, в условиях технического преимущества противника боязнь человеческих потерь может наоборот симулировать стратегию превентивного удара, в рамках которого проще уничтожить всех врагов, чтобы никто из наших точно не погиб.

В общем, если «цель руководства КНДР — обеспечение безопасности режима», то инициирование войны для нее просто самоубийственно, а единственная работающая стратегия ее предотвращения — самоубийственна потенциально: стремясь снизить военную угрозу для КНДР со стороны США, элита КНДР снижает шансы на собственное физическое выживание в условиях войны.

Психологический аспект проблемы

Поэтому следующей ступенью нашего анализа будет то, кто и в каких условиях (как на Севере, так и на Юге) может отдать приказ о начале военных действий.

Как поколение младших соратников Ким Ир Сена, так и поколение соратников Ким Чен Ира хорошо помнят время Корейской войны. Это часть их личной истории, которую никак не вытравить, и у них достаточно личного опыта, чтобы воспринимать США как абсолютное зло, компромисс с которым невозможен.

Кроме того, для северокорейской элиты характерно ощущение «огненного кольца». Многие ее члены уверены в том, что американские империалисты и их южнокорейские марионетки готовят вторжение в КНДР и осуществят его при первой возможности. Целый ряд действий южнокорейской администрации, особенно — в правление Ли Мён Бака, укрепляет их в этой уверенности. На все это накладывается собственно пожилой возраст и связанные с ним особенности мышления и поведения.

Может возникнуть вопрос: «А как же Ким Чен Ын»? Ведь он молод, учился в Европе и должен быть более здравомыслящим человеком, не имея такого количества шор. Увы, фактор молодого руководителя не стоит преувеличивать. Во-первых, вопрос о том, насколько он контролирует подчиненную ему административно-бюрократическую систему и как складываются отношения между молодым руководителем и старым генералитетом, находится в стадии изучения. Во-вторых, неясно, насколько у Ким Чен Ына хватит административного опыта и политического чутья.

Рассмотрим теперь ситуацию в Южной Корее. Экс-президент Ли Мен Бак придерживался концепции жёсткого давления на Север, но за пять лет эта концепция показ-

ала свою непродуктивность. Сейчас президент сменился, но большое число сторонников прежнего курса все еще находится на своих постах и они представляют собой весьма влиятельное лобби, направленное как на обеспечение своей личной безопасности, так и на то, чтобы курс РК оставался жестким и конфронтационным. Хуже того, они так активно убеждали окружающих в том, что режим Кима на грани коллапса, и «достаточно лишь подтолкнуть», что сами уверовали в это.

Также стоит яснее представлять себе, что такое — современные южнокорейские «молодые офицеры». Во-первых, их военное образование прошло в условиях подавляющего преимущества Юга над Севером. Со времени первого ядерного кризиса вооруженные силы РК существенно модернизировались, и качественный разрыв между технической оснащенностью Севера и Юга вырос. И по мере того, как Северная Корея все более кажется «бумажным тигром», ощущение опасности военной угрозы размывается.

Во-вторых, у них нет реального военного опыта, и крупномасштабные боевые действия могут восприниматься ими через призму компьютерных игр, где человек, нажимающий на кнопку, находится далеко от поля боя. В-третьих, они несут на себе общепоклоленческий отпечаток, не являясь автоматическими исполнителями воли начальства, действующими только в рамках инструкции: им хочется показать свою значимость, а будучи патриотами своей страны, они не желают сидеть сложа руки.

Понятно, что такая политическая ситуация вынуждает задать вопрос о том, существуют ли на Юге политики, способные отдать приказ о «походе на Север». Если исходить из модели рационального действия, то, несмотря на наличие в определенных кругах реваншистских настроений, вероятность этого так же мала, как нападение Севера на Юг, но скорее — по стратегическим/политическим причинам.

Во-первых, столица страны, в которой проживает минимум четверть населения РК, находится в пределах досягаемости северокорейской артиллерии. Жертвовать столицей или допустить ее хотя бы частичное разрушение — недопустимый риск. Во-вторых, южнокорейское общество (особенно молодежь) довольно сильно расколото, и значительная часть общества не поддержит войну и выкажет военным планам активное противодействие. В-третьих, дивергенция Севера и Юга привела к тому, что для молодого поколения объединение уже не является великой национальной мечтой, а северные корейцы не воспринимаются как соотечественники. В-четвертых, курс нынешнего президента Пак Кын Хе направлен на изменения во внутренней политике и строительство социального государства, а такой проект дорогой, и стране будет не до войны. В-пятых, хотя США оказывают консерваторам поддержку, она имеет определенный предел. Так, после апрельского кризиса 2013 г. было существенно снижено госфинансирование антисеверокорейских общественных организаций.

Однако вероятность того, что какие-то представители молодых военных или «палеоконсерваторов» могут самостоятельно организовать провокацию в надежде на то, что под влиянием политической конъюнктуры власти будут вынуждены дать на нее адекватный ответ, по мнению авторов, не нулевая¹⁸.

Влияние «иррациональных факторов»

Завершая анализ, хочется обратить внимание на ряд факторов, которые играют довольно важную роль во влиянии на ситуацию, но при этом кажутся неочевидными. Традиционно мы анализируем угрозы международной безопасности, исходя из т. н. «модели рационального действия», согласно которой те или иные действия планируются на самом верху и базируются на понимании мотивов оппонента. Однако применительно к современному положению на Корейском полуострове эта модель представляется неполной, и в дополнение к рациональному фактору следует учитывать и иррациональный. Таковой включает в себя как проблемы, связанные с взаимным недопониманием, так и си-

туации, в которых решения принимаются под влиянием стресса, недостаточной информированности, неспособности просчитывать последствия ввиду отсутствия школы стратегического планирования и т. п.

Данная угроза представляется авторам, возможно, наиболее серьезной, но наименее ощутимой, так как конфликт в этом случае есть не следствие чьей-то злой воли, а разгорается вследствие случайности.

Начнем с проблемы взаимной информированности. Железный занавес» работает в обе стороны, порождая искаженное представление о том, что находится по противоположную его сторону. На примере КНДР это кажется виднее, но похожая проблема существует и для представителей Запада, — информация, которая в обычной стране добывается легко, применительно к КНДР связана с большими трудностями. Вследствие этого можно выделить три канала поступления данных, исключая северокорейский официоз, которому по определению традиционно не верят.

Первый канал — это мнение экспертного сообщества, хотя качество экспертов бывает различным. Достаточная часть их — бывшие советологи, переброшенные на новый участок, и с учетом недостатка данных многое зависит от того, какой образ Северной Кореи видит данный эксперт.

Второй — результаты опроса перебежчиков, но опрос большого числа респондентов — сложное и мутное дело. Поэтому чаще известны обработанные мемуары отдельных лиц, из которых непонятно, насколько их истории типичны и не «изукрашены» в угоду конъюнктуре

Третий — данные спутниковой разведки. Но «сверху видно» далеко не всё. А это значит, что информационные лакуны между фактами по-прежнему заполняются умолчаниями, а умолчания эти во многом строятся на образе страны в интерпретации СМИ. Так формируется порочный круг.

В итоге каждая из сторон видит весьма искаженный образ партнера и не пытается улучшить ситуацию. **Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации стороны могут не быть осведомлены должным образом о проблемах друг друга или неверно интерпретировать то или иное явление.**

При этом пестование «образа врага» хорошо накладывается на определенные идеологические конструкты, из-за чего стороны не только не могут, но и не хотят увидеть реальность: «Я знаю правду, не приставайте ко мне с фактами».

Так к недопониманию добавляется еще одна преграда, когда партнер на переговорах воспринимается, в первую очередь, как противник, а весь процесс рассматривается как силовое противостояние и игра с нулевой суммой, а не стремление к достижению консенсуса. **Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации тренд на ее раздувание будет преобладать над трендом на ее смягчение.**

Понимание ситуации будет неполным без осознания того, что даже в самой отлаженной бюрократической системе левая рука может не знать, что делает правая, а это означает, что мы должны учитывать целый набор определенных пороков, присущих бюрократии.

В данном контексте надо выделить не столько стремление замазывать свои недостатки и выносить сор из избы только в крайнем случае, сколько варианты «дурацкой инициативы (англ. gogue operation)», с которой выступает низшее или среднее звено, не ставя в известность об этом начальство. Как правило, именно они порождают большинство провокационных инцидентов.

Однако любая «дурацкая инициатива», которая завершается неудачей, создает целый комплекс проблем. Во-первых, признать факт подобной самостоятельности для начальства значит расписаться в некомпетентности как неспособности контролировать подчиненных. Во-вторых, даже если самостоятельность признали, а «виновные понесли

заслуженное наказание», этому объяснению обычно не верят, полагая, что начальство просто нашло стрелочника.

Из-за этого руководство часто вынуждено проявлять корпоративную солидарность, замалчивая неприятную правду. **Это означает, что в случае возникновения конфликтной ситуации вследствие ошибки или самодеятельности каждая сторона предпочтет переложить ответственность на другую сторону, вынужденно покрывая своих.**

Затем, ситуация взаимной напряженности повышает общий уровень стресса и нервного напряжения, в результате чего опасные и важные решения могут быть приняты не на холодную голову, а под влиянием иррациональных факторов или эмоций. Возрастает вероятность «психологического» сбоя, когда из-за нервного напряжения и под гнетом ответственности у кого-то могут банально сдать нервы или дрогнет палец на спусковом крючке. При этом в условиях напряженности и взаимной демонизации попытки объяснить, что это была трагическая случайность, вряд ли будут приняты во внимание.

К этому добавляется обстановка общей нервозности, повышающая вероятность ситуации, при которой у одной из сторон сдадут нервы. Последний пример — инцидент утром 27 марта, когда южнокорейский пограничник, дежуривший на посту в уезде Хвачхон, увидел некий «неопознанный движущийся объект» и бросил в него гранату, после чего военное руководство страны заявило о возникновении угрозы вооруженного вторжения с Севера. Максимальный уровень боеготовности сняли после того, как была проведена разведка территорий, прилегающих к пограничному посту, и никаких следов вторжения обнаружено не было¹⁹.

Нервы могут сдать не только на местах. В экстраординарной психологической ситуации (а первые лица почти всегда испытывают определенный стресс), человек, обычно мыслящий рационально, может потерять адекватность. Так мы подходим к последнему фактору, когда решение о начале большого конфликта может быть принято не из рационально-стратегических, а из идеологических или внутривластных соображений — политический лидер окажется заложником ситуации и будет вынужден принять решение, работающее на эскалацию конфликта.

Например, в случае, если произойдет еще один инцидент или серия инцидентов, которые будут выглядеть как плевок в лицо южнокорейскому самолюбию, Сеул может дать команду на ответный удар из страха потерять лицо и поддержку избирателей. Точно так же оцениваются как высокие шансы Севера ввязаться в самоубийственную войну, если в качестве возможной мести за подобный инцидент Юг решит расстрелять высокоточным оружием усыпальницу Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

В результате наиболее реалистичный сценарий конфликта являет собой «войну из-за кролика».

Поясним: северяне часто охотятся на территории ДМЗ, и солдаты увеличивают свой мясной рацион за счет подстреленной живности. И вот с учетом всего вышеперечисленного стрельба по обнаруженному на нейтральной полосе кролику принимается за стрельбу по Югу, либо, что не менее вероятно, часть пуль таки долетает и кого-то ранит. Южане, которым после обстрела острова Ёнпхёндо наконец дали ясный и недвусмысленный приказ сначала стрелять а потом докладывать наверх, стреляют точнее и ранят в ответ. Северяне воспринимают это как провокацию и повышают градус противодействия. Информация поднимается вверх по бюрократической лестнице и в обоих случаях подается как «Они внезапно открыли по нашим огонь», и дальнейшие решения принимаются уже из этого факта. Затем подключаются военное лобби («Ну дайте же нам наконец ответить»), и политическая конъюнктура («Этот плевок мы уже стерпеть не можем, чаша переполнена»). И вот по итогам простой перестрелки в районе ДМЗ южане наносят удар дальноточным высокоточным оружием, или применяют свои ВВС для уничтожения ряда приграничных военных объектов Севера, после чего у Пхеньяна точно не останется никакого выбора, кроме войны.

Возможный объем потерь

Разберем теперь объем возможного ущерба, который причинит потенциальный конфликт. Оценивать гипотетические масштабы ущерба достаточно сложно, однако, по мнению авторов, КНДР не сможет нанести своему противнику фатальный урон. Обстрел Сеула будет иметь скорее морально-психологическое значение, и даже маловероятное применение ЯО не нанесет Сеулу такого масштаба разрушений и жертв. Это связано с тем, что столица РК отличается не только плотностью и высотностью застройки, но и сложным рельефом, отчего основные поражающие факторы ядерного взрыва будут воздействовать совершенно иначе, и площадь поражения и степень разрушений при ядерном взрыве мощностью 20 кт в условиях Сеула будет значительно меньше, чем в Хиросиме.

Предварительно можно сказать, что численность пострадавших (учитывая смертельные случаи и все виды ранений, ожогов и травм) составит около 1,9% населения Сеула, пораженная площадь составит около 1,7% общей площади города. Разрушения будут значительными, но относительно легко восстанавливаемыми. Неприемлемый ущерб Сеулу (потеря 25% населения и 50% промышленной и инженерной инфраструктуры), может причинить только взрыв, по меньшей мере, 30 ядерных зарядов мощностью 20 кт²⁰.

Северокорейская легкая пехота теоретически в состоянии парализовать транспортную инфраструктуру РК за счет перерезания линий коммуникаций. Теоретически она способна осуществить диверсии на атомных электростанциях, вызвать экологическую катастрофу. Однако следует помнить, что обстрел жилых районов и диверсии на АЭС сожгут руководство КНДР все мосты к отступлению и могут стать поводом для массированного ответного удара, в том числе — ядерного.

Имеющийся у КНДР арсенал баллистических ракет позволяет гарантированно нанести значительный экономический ущерб и вызвать потери сотен, возможно тысяч жизней гражданского населения. Разумеется, при применении этих же ракет с ядерными или химическими боеголовками, придется иметь дело совсем с другим уровнем потерь.

Не нулевой является и вероятность того, что в случае эскалации конфликта целью КНДР могут стать отдельные объекты и на территории Японии: как принадлежащие американским войскам, так и собственно японские военные или гражданские объекты, в том числе — АЭС.

Экологическая катастрофа может распространиться за пределы Корейского полуострова. При неблагоприятной розе ветров радиоактивный шлейф с уничтоженных северокорейских ядерных объектов может через 2 часа достигнуть Владивостока или сравнимых по расстоянию точек на территории КНР. Нельзя не упомянуть поток беженцев, которые хлынут в РФ и КНР, что повлечет за собой целый комплекс проблем, связанных не только с их размещением и обустройством, но и с их дальнейшей судьбой, так как если в Китае существует корейский автономный район, который может абсорбировать некоторую часть беженцев, на Дальнем Востоке России это может вызвать всплеск социального напряжения.

Насколько же такая война поколеблет мировой финансовый рынок, неясно. Хотя апрельский кризис 2012 г. продемонстрировал некоторый интерес рядовых южнокорейцев к экономическим индексам, но ни в 2010, ни в 2013 гг. серьезных обвалов рынка, вызванных межкорейской напряженностью, не произошло.

Насколько возможная война заденет РФ? Риск того, что российский Дальний Восток может быть задет, достаточно велик. Нападение американской авиации на советский аэродром Сухая Речка в Приморье 8 октября 1950 г., произошедшее, по американской версии, вследствие навигационной ошибки и неправильной идентификации цели — ясный исторический пример, который указывает на потенциальные угрозы для российской территории в случае начала войны на Корейском полуострове.

Опыт локальных конфликтов последних лет показывает, что развитие систем связи и навигации не исключает повторения подобных инцидентов. Более того, современная воздушная война предполагает широкое применение управляемых боеприпасов со значительной дальностью стрельбы, использование ударных БПЛА и действия пилотируемой авиации на значительных (от 6000 м) высотах. В этих условиях ошибочные нападения на объекты на сопредельной территории выглядят практически неизбежными, даже если участники конфликта будут заинтересованы в том, чтобы таких инцидентов избежать. Наглядным примером того, как могут выглядеть подобные нападения, можно считать т. н. «Инцидент Салала» 26 ноября 2011 г., приведший к гибели 24 пакистанских военных²¹.

Таким образом, есть высокая вероятность того, что «высокоточное оружие» может залететь и в Россию, причем для того, чтобы избежать опасных инцидентов, сбивать эти летящие «не туда» ракеты придется не в российском, а в северокорейском воздушном пространстве, что само по себе создает довольно неприятный прецедент. Естественно также, что военный конфликт ставит крест на целом ряде российских экономических проектов в этом регионе, в том числе — на железнодорожном и газовом.

Война на Корейском полуострове с неизбежностью приведет к появлению многомиллионного потока беженцев с Севера. В случае, если Россия будет не готова быстро принять меры, бегущие от войны люди хлынут в Приморский край. Таким образом, уже в первые недели после начала конфликта на Корейском полуострове мы можем столкнуться с серьезными гуманитарными проблемами в Приморье — наплывом голодных, озлобленных, частично вооруженных беженцев с последующим ростом преступности.

Выводы

Несмотря на агрессивную риторику, реальные возможности КНДР существенно ограничены как на тактическом, так и на стратегическом/политическом уровне. По сути, Пхеньян пытается удержаться, создавая впечатление, что попытка ликвидировать КНДР военной силой будет чревата слишком большими издержками (экономическими и моральными) и потому банально не окупит себя, однако такая стратегия вынуждает Пхеньян постоянно «поддерживать градус», хотя его риторика на самом деле рассчитана не на запугивание, а на отпугивание.

Хотя обострения на Корейском полуострове носят волатильный характер, авторы видят тенденцию, при которой эти колебания, всплески и затухания могут перерасти в нечто большее. Несмотря на то, что вероятность возникновения на Корейском полуострове крупномасштабного военного конфликта (особенно — инициированного КНДР) невысока, благодаря текущему уровню напряженности и значению «иррациональных факторов» она остается в списке угроз, требующих неигнорирования, изучения и подготовки. Если тренд на межкорейское обострение и отказ от переговоров будет продолжаться, рано или поздно локальный вооруженный инцидент может выйти из-под контроля; нельзя также полностью исключать и вариант вооруженной провокации.

Россия должна как быть готова к вероятной гуманитарной и катастрофе на Корейском полуострове, так и принимать комплексные меры по минимализации вероятности войны по аналогии с политикой во время обострений 2010 и 2013 гг. На этот случай необходимо подготовить план действий с участием всех заинтересованных государственных ведомств, включая Минобороны, МЧС, МВД, специальные службы, органы здравоохранения и соцзащиты и т.п. В частности, в рамках плана должны быть отработаны вопросы:

- противовоздушно прикрытие Владивостока;
- развертывания в Приморском крае лагерей беженцев и снабжения их всем необходимым;
- усиления охраны границы с КНДР и прилегающего участка российско-китайской границы;

- переброски дополнительных сил полиции и внутренних войск в Приморье в первые сутки конфликта;
- контроля над санитарно-эпидемиологической обстановкой в Приморье в условиях наплыва беженцев.
- координации действий российской и китайской пограничной охраны в период конфликта;
- установления надежных линий связи с командованием всех вовлеченных в конфликт сторон для быстрого разрешения опасных инцидентов.

-
1. *Santana S.* Mixed Signals.// Air Forces Monthly. 2013. April.
 2. Там же.
 3. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/7951771/Intelligence-experts-analyse-North-Korean-fighter-jet-crash.html>.
 4. The Military Balance 2013.
 5. Рассекреченная справка DIA о ВС КНДР, 1991 г.
URL:http://www.fas.org/irp/dia/product/knfms/knfms_chp5a.html.
 6. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2011/06/14/2011061400518.html.
 7. *Bermudez J.* Pokpoong: North Korea's new Main Battle tank. URL:<http://www.nkeconwatch.com/nk-uploads/kpa-journal-vol-1-no-4.pdf>.
 8. Military Balance 2013.
 9. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2010/12/31/2010123100850.html.
 10. URL: http://www.military-today.com/missiles/kn_02.htm.
 11. До 6000 км, см.: URL: <http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/Wright-Analysis-of-NK-launcher-3-18-09.pdf>.
 12. URL:<http://english.yonhapnews.co.kr/national/2013/05/06/16/0301000000AEN#20130506003200315F.HTML>.
 13. Подробнее см.: URL: <http://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/north-korean-dossier/north-koreas-weapons-programmes-a-net-asses/the-conventional-military-balance-on-the-kore/>
 14. Подробнее см.: URL: <http://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/north-korean-dossier/north-koreas-weapons-programmes-a-net-asses/the-conventional-military-balance-on-the-kore/>
 15. URL: http://antinsl.jinbo.net/nsl_full_text_en.html.
 16. Отсылаю аудиторию к серии заметок О. Кириянова в «Российской газете», посвященных армейским скандалам в РК. Их интенсивность — раз в 4–6 месяцев.
 17. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/03/28/possible-developments-on-the-korean-peninsula/>
 18. «Не нулевая» означает, весьма малую вероятность, которая, однако, уже заслуживает учета и рассмотрения.
 19. Подробнее: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2155777>. Авторам же хочется верить, что это были именно нервы, а не осознанное желание спровоцировать КНДР на встречные действия в ответ на взрыв непонятно откуда.
 20. URL: http://vestnik.kr/article/articles_expert/3697.html.
 21. The Hindu, 26.11.2011 URL: <http://www.thehindu.com/news/international/article2662246.ece>.